

Когда дневные голоса учеников стихли, в ночной академии установилась тишина, нарушаемая лишь стрекотом цикад да шумом ветра. Они вдвоем бесцельно бродили по тропинке, по обе стороны которой цвели мелкие розово-белые цветы с закрученными лепестками, покрытыми прозрачными каплями росы. Се Жэнь подхватил с земли камешек; он хотел подбить им большую лягушку для Фэн Цяньсюэ, но, к счастью, вовремя вспомнил про уровень воды в реке и не стал заниматься столь глупым ребячеством. Вместо этого он сжал правую руку в кулак и спросил:

— Угадай.

Фэн Цяньсюэ ответил:

— Камень.

Се Жэнь разжал ладонь, и сотни светлячков взмыли в воздух, рассевшись по кончикам травинок и перекликаясь с россыпью звезд в небесах.

Он произнес:

— Не угадал, с тебя наказание.

Фэн Цяньсюэ поймал горсть светлячков:

— Технику иллюзий ты меняешь по собственному хотенью. Я скажу «восток», ты повернешь на «запад» — разве тут угадаешь? — С этими словами он щелчком пальца отправил в него мелкий камешек: — Все равно это был камень.

Се Жэнь со смехом увернулся:

— Ладно-ладно, считай, ты прав, только не кидайся!

Фэн Цяньсюэ протянул к нему руку:

— За ошибку наказание, а за правильный ответ награда не полагается?

Уши Се Жэня снова вспыхнули, но вовсе не от смущения — щеки у него всегда были довольно пылающими. Это тепло... скажем так, имело некоторое отношение к трепету сердца и невольным помыслам. Поэтому он весьма неестественно, но пытаясь выглядеть совершенно непринужденно, взялся за запястье спутника — не за саму кисть, а через рукав одежды, так казалось хоть немного спокойнее, — и сказал:

— Идем со мной.

Фэн Цяньсюэ пошатнулся, увлекаемый им за собой, не понимая, куда они снова направляются.

Словно порыв ветра, они промчались через сад; полы их одежд сбивали прохладную ночную росу, летние цветы пролетали мимо, а тысячи светлячков, похожих на сияющую ленту, мягко обвивали талию Фэн Цяньсюэ и устремлялись за ним в воздух.

Свет и тени цветов переплелись, отражаясь в глазах юноши ярким блеском звезд.

Наконец они остановились в самых глубоких чащах сада. На высоком дереве висели качели, веревки которых обвивали неизвестные вьющиеся растения, распускавшиеся каскадом цветов.

Се Жэнь спросил:

— Хочешь покататься?

Фэн Цяньсюэ, опершись о плечо Се Жэня, запрыгнул на качели, уселся и попросил:

— Только раскачай повыше.

В бессмертной обители Цинъай у него тоже были похожие качели, но выглядели они невзрачно: просто доска на двух голых столбах, скрипевшая при каждом движении — вовсе не сравнить с этими, утопавшими в цветах. Сгорая от предвкушения, Фэн Цяньсюэ крепко вцепился в веревки. Под широкими взмахами рук Се Жэня он взлетал все выше и выше. Вид перед глазами стремительно менялся, ветер растрепал волосы. Светлячки, испугавшись такого бурного катания, давно разлетелись кто куда, и остался лишь звездный свет да лепестки цветов, осыпавшиеся на волосы и одежду словно дождь.

Когда Фэн Цяньсюэ слез с качелей, он аж покраснел от кашля. Се Жэнь похлопал его по спине и указал на самую верхушку:

— Вот, только что ты взлетал прямо к кроне дерева.

— Всего лишь до кроны?

— Крона — это и так высоко.

— Мало.

— Тогда в следующий раз. В следующий раз постараюсь раскачать тебя во-о-он дотуда.

Фэн Цяньсюэ прикинул взглядом высоту, на которую указал Се Жэнь, и остался вполне доволен:

— Хорошо.

Се Жэнь привел в порядок его растрепавшиеся волосы:

— Ну все, пошли.

Фэн Цяньсюэ на ходу оглядывался на качели и едва не поскользнулся.

Се Жэнь молча протянул ему руку, чувствуя, как учащается сердцебиение.

Фэн Цяньсюэ небрежно схватился за его рукав и спросил:

— В мире заклинателей нынче беспокойно. Ордена собираются в городе Чанцэ, эти вести уже давно разнеслись повсюду. Хэ Гуй случайно не искал тебя из-за этого?

Такая прекрасная ночная прогулка — и вдруг всплывает это имя, портящее все настроение! Се Жэню пришлось на время спрятать подальше свои нежные мысли:

— Пока нет.

Фэн Цяньсюэ произнес:

— Если он свяжется с тобой, скажи мне.

Видя, насколько тот серьезен, Се Жэнь улыбнулся:

— Хорошо, обещаю. Но Хэ Гуй правда не злодей. В конце концов, даже если у него и есть дурные замыслы, меня ему не совратить. Не иди на поводу у учителя, не нужно при одном упоминании утеса Сюэцзю сразу готовиться к круговой обороне.

Фэн Цяньсюэ ответил:

— Ни к чему я не готовлюсь. К тому же он первым уставился на меня с враждебностью.

Се Жэнь подумал, что тот вовсе на него и не глазел, но побоялся, что пара лишних возражений приведет к очередному рассказу про торговца сахарными лепешками Чжана, поэтому благоразумно перевел тему:

— Пошли, отведу тебя умыться. Сегодня ляжем пораньше, а то ты весь в лепестках.

Когда он принимал ванну, в деревянной бадье тоже плавали цветы. Фэн Цяньсюэ устал за вечер и вскоре погрузился в глубокий сон. Во сне он все еще катался на качелях, поэтому протянул руку к подушке и с силой сжал пальцы.

Се Жэнь очнулся от чуткого сна и не сразу понял, как умудрился уснуть в такой интимной позе, переплетя пальцы с его пальцами. Он попытался пару раз вытащить руку, но Фэн Цяньсюэ сопротивлялся и сурово нахмурил брови. Младший господин Се тут же не посмел шелохнуться.

Ну... ладно, можно и так поспать.

Он закрыл глаза, чуть приподняв уголки губ, и всю ночь ему снились замечательные сны.

На следующее утро четверо покинули учебные покои и отправились в город Чуньтаньчэн.

Погода становилась все жарче, палящее солнце висело в небе. Фэн Цяньсюэ стоял у реки, подняв голову, и изрек:

— Какое огромное солнце.

Се Жэнь чуть не поперхнулся водой.

К счастью, из-за жары поэтический порыв Фэн Цяньсюэ ограничился этой единственной строчкой. Он зачерпнул ладонями воду, чтобы умыться, а затем, усевшись под деревом, распахнул воротник и стал обмахиваться, обнажив широкую снежно-белую грудь. Глядя на столь непринужденный вид, Се Жэнь долго колебался, но в конце концов не выдержал, протянул руку и дернул его за ворот:

— Запахнись нормально!

Фэн Цяньсюэ воспротивился:

— Мне жарко.

Се Жэнь стоял на своем:

— На тебя же другие смотрят!

— И что с того?

— Нельзя.

Вскоре подошел Ли Хуань с едой и с удивлением спросил:

— Брат Фэн, тут же никого чужих нет, почему ты не снимешь верхнее платье, чтобы освежиться?

Фэн Цяньсюэ чинно восседал с прямой спиной:

— Се Жэнь не разрешает другим смотреть на меня.

Ли Хуань искренне изумился:

— Ему совсем делать нечего? И до этого есть дело?

Фэн Цяньсюэ ответил:

— Угу.

Мо Чи тоже удивился:

— В последнее время А-Жэнь вообще ведет себя странно. В такую погоду он бы давно сбросил одежду и нырнул в реку, а теперь вдруг стал пересчитывать пуговицы у других.

Се Жэнь не мог ничего объяснить, поэтому просто прогнал их обоих с замашками тирана и уселся рядом с Фэн Цяньсюэ, держа в руках кулечек с освежающими маринованными плодами:

— Это матушка сама делала, бережет их пуще глаза. Попробуешь?

Фэн Цяньсюэ взял одну ягоду в рот и тут же содрогнулся от пронизывающей прохлады. Он хотел похвалить угощение, но острая пряность настолько обожгла язык, что он долго не мог вымолвить ни слова.

Се Жэня это развеселило, и он подставил ладонь к его губам:

— Не привык — выплюнь.

Фэн Цяньсюэ покрутил головой и с трудом сглотнул.

Затем произнес:

— У госпожи Се прекрасные кулинарные способности.

Глядя на его покрасневшие уголки глаз, Се Жэнь подумал: «Едва не расплакался, а все твердит "прекрасные". Твое актерское мастерство может смело соперничать с твоей поэзией».

Город Чуньтаньчэн оставался прежним, но в то же время изменился.

Прежним он был благодаря бесчисленным лавкам, бурлящим толпам и ровным рядам летающих механизмов, парящих в воздухе. Золотые солнечные лучи пробивались сквозь облака, озаряя все вокруг — город по-прежнему оставался крупнейшим центром духовных

орудий в мире заклинателей.

Изменилось же, во-первых, настроение: в привычную суету закралось напряжение. Во-вторых — продаваемые товары: на самых видных местах теперь красовались не Камни великого роста культивации, а зеркала Чжаохунь. Оба этих изменения, разумеется, были связаны с загадочным исчезновением Ло Мэйшэна. Что касается обители Фэйсянь, она работала в обычном режиме, вот только при входе на стене висело несколько десятков зеркал Чжаохунь. Сияли они настолько ярко, что в таком свете не только душу разглядишь, но и девица могла бы умыться и накраситься без свечи.

Управляющий видел эту четверку на бессмертном корабле и узнал в Ли Хуане молодого господина из клана Ли, поэтому встретил их с отменным почтением.

По его словам, после исчезновения Ло Мэйшэна обитель Фэйсянь направила множество людей на поиски, но новостей пока не было.

Ли Хуань произнес:

— Предположение о том, что господина Мэя похитил Цзюин — лишь догадки, у нас нет доказательств. Если его исчезновение не связано с Цзюином, есть ли другие подозреваемые? К примеру, давние враги? Или, возможно, место, куда он страстно мечтал отправиться?

Управляющий покачал головой:

— Нет.

И их действительно не было. Ло Мэйшэн за свою жизнь увлекался лишь двумя вещами: ковкой духовных артефактов и чтением стихов — безупречно мирными занятиями. Он обладал кротким нравом, легко сходилась с людьми и входил в десятку самых дружелюбных заклинателей, так что врагов у него не водилось вовсе. Что же касается мест, где он хотел побывать — он посетил практически все, ведь самые быстрые механизмы производила именно обитель Фэйсянь, и глупо было бы ими не пользоваться.

Словом, жизнь у него казалась совершенно беззаботной и лишенной тревог.

Фэн Цяньсюэ спросил:

— И у него никогда не было ни одержимости, ни узла на сердце?

<http://bllate.org/book/18374/1766311>